

Обычно покойницы лезут в окна лишь в двух случаях: либо ради мести, либо ради улады.

Первое казалось маловероятным, второе — слишком уж жутким.

«Прости-прости-прости, поищи себе кого-нибудь другого!»

Гун Чэнь мысленно взмолился о пощаде, а сам со всей силы впечатал подошву в лицо покойницы и принялся неистово пинать её вниз.

Но девица, хоть и казалась хрупкой, обладала нечеловеческой силой. Сколько бы Гун Чэнь ни брыкался, она мертвой хваткой вцепилась в его лодыжку.

Обтянутые сухой кожей пальцы, похожие на кости скелета, даже скользнули вверх по его икре. Тварь оскалилась в леденящей душу ухмылке. На её щеке зашевелился, извиваясь, багровый рубец:

— А ты крепкий, — прошипела она.

Гун Чэня словно громом поразило. Извернувшись, он нанёс яростный удар точно по этому уродливому рубцу на правой щеке. И тут покойница, до этого не обращавшая внимания на пинки, испустила истошный, пронзительный визг:

— А-а-а-а!!!

— Больно! Как же больно!!!

Рубец ожил. Он стремительно пополз со щеки вверх, к самому лбу, и с влажным треском разошёлся в стороны. В разверзнувшейся щели вылупился налитый кровью глаз. Уставившись на Гун Чэня с бешеной яростью, он заверещал:

— Тебе конец! Слышишь, конец! Сестрица, я хочу его! Я заберу его себе!

Оказалось, это была вовсе не отметина. Это был второй глаз.

— Значит, берём его? — девица облизнула синюшные губы.

— Да, да, да! Скорей! Живее! Тащи его! Сюда его, сюда-а-а!

У Гун Чэня волосы встали дыбом от ужаса.

Одно тело, две души. Никакая это не обычная утопленница. Перед ним предстал симбиотический призрак — тварь, снискавшая дурную славу своей исключительной омерзительностью и живучестью. В таком союзе всегда есть главный призрак и вторичный.

Они не относились к числу сильнейших порождений тьмы, но избавляться от них было сущим наказанием. Стоило проявить малейшую оплошность, и вторичный призрак мгновенно перебирался на живую плоть, сливаясь с жертвой за три удара сердца.

А завершив слияние, паразит принимался ненасытно высасывать из несчастного соки, кровь и саму жизненную эссенцию, чтобы вскармливать своего хозяина, пока от человека не оставалась лишь иссохшая, обтянутая кожей мумия.

Резко оттолкнувшись от стены, девица выгнула шею и с силой вонзила зубы в голень Гун Чэня.

— Ха-ха-ха-ха-ха! — зашелся безумным хохотом кровавый глаз. Из него хлынула тёмная жижа, и сам он, извиваясь подобно головастику, радостно скользнул по дорожке крови со лба к щеке, устремляясь прямо к свежей ране.

Тварь собиралась использовать кровь как проводник, чтобы укорениться в новом теле!

Гун Чэнь глубоко вздохнул и за спиной сложил пальцы в заклинаящий жест. Спустя мгновение... на самом кончике его пальца вспыхнул крошечный, размером с ноготок, почти прозрачный огонёк бледно-синего цвета.

Ему одновременно хотелось и смеяться, и плакать.

«Радовало то, что вместе с ожившим сердцем к нему мало-помалу возвращались духовные силы. Но пугало другое: что толку от этой жалкой искры? Одно дуновение — и она погаснет!»

Однако паразит уже подбирался к плоти. Мешкать было нельзя. Гун Чэнь резко встряхнул кистью, и призрачное синее пламя, сорвавшись тонкой струйкой дыма, опустилось точнёхонько на призрачное око.

— Жжётся! Сестрица, как же жжётся! — в истерике завопила тварь.

Лицо девицы исказилось. Она немедленно разжала челюсти и потянулась к горячей точке, пытаясь сбить пламя пальцами, но стоило ей коснуться синей искры, как она сама зашлась криком:

— А-а-а!

—... Призрачное синее пламя... — прохрипела покойница. На её коже вздулся уродливый ожог.

Глаза сузились, и в глубине зрачков вспыхнула лютая, первобытная ненависть:

— Семейка... Дуань...

— Чуньлай, в другой раз найдём тебе сосуд, — леденящим душу шёпотом процедила девица, чеканя каждое слово. — Этого человека... я убью прямо сейчас.

У Гун Чэня потемнело в глазах. Он рванулся прочь.

«Какое же невезение! Сделала круг и всё равно свела всё к кровной мести!»

Но девица уже отпустила оконную раму. Обеими руками она намертво вцепилась в его одежды и с дикой силой рванула вниз, увлекая за собой прямо в пустоту!

— Молодой господин Гун, — прозвучал у самого его уха тихий голос Цин Ся, пока они стремительно летели к земле. — Прошу вас, закройте глаза.

Гун Чэнь на мгновение растерялся, но послушно зажмурился.

Тут же мимо него вихрем пронеслась волна удушающей, ледяной иньской миазмы. Она устремилась ввысь — тёмная, пронзительная, несопоставимая с той жалкой злобой, что исходила от нападавшей твари.

Люди делятся по сословиям, заклинатели проходят через восемь великих ступеней совершенствования, а нечисть измеряется семью уровнями греховного следа.

Лишение одной жизни оставляет первый след; десять смертей — второй; сотня погубленных душ — третий; тысяча...

Пусть духовные каналы Гун Чэня сейчас были почти пусты, он безошибочно почуял: эта запредельная, почти осязаемая концентрация смерти уходила далеко за пределы пятого уровня греховного следа.

Всё, что выше пятого, — великое бедствие.

Завет предков клана Дуань гласил непреложно: всякого призрака, чей греховный след превышает пятый уровень, надлежит истребить на месте. Если же совладать не под силу, занести его имя в Список истребления призраков, дабы преследовать из поколения в поколение, не зная пощады и жалости.

Ресницы Гун Чэня дрогнули, любопытство едва не заставило его приоткрыть веки, но в этот

миг его мягко подхватили потоки знакомой, прохладной ауры меча, бережно опуская на землю. К его спине прижалась тёплая грудь, а чужие пальцы мягко легли на лицо, закрывая обзор.

— Не смотри, — раздался над самым ухом тихий, хрипловатый шёпот Сюй Цыаня. — Если ты увидишь его истинный облик, он убьётся от горя.

Сердце Гун Чэня пропустило удар. Он медленно сжал кулаки и замер, не пытаясь шевелиться.

Яростная схватка двух потусторонних существ происходила беззвучно для ушей смертных. В их глазах ночь оставалась первозданно тихой. Лишь высоко в небе плыла холодная луна, не способная разогнать густые тени, да порывы ледяного ветра хлестали по лицу.

Когда Сюй Цыань наконец убрал ладонь, Гун Чэнь неторопливо открыл глаза.

— Молодой господин Гун, с вами всё в порядке? — Цин Ся стоял прямо перед ним — по-прежнему безупречно чистый, опрятный, словно и не было только что той удушающей волны вековой злобы.

Гун Чэнь пристально посмотрел на юношу, а затем сделал короткий шаг назад.

Цин Ся растерялся и робко спросил:

— Вы... что-то заметили?

Гун Чэнь, не выдавая себя, слегка коснулся ноющей правой ноги и с мягкой улыбкой покачал головой.

— Вот и славно, — облегчённо улыбнулся дух. Доверяя ему безраздельно, он окончательно успокоился, рассыпался мириадами изумрудных искр и юркнул обратно в нефритовый кулон на поясе Сюй Цыаня.

— Я очень устал. До завтра, молодой господин Гун.

Стоило искрам погаснуть, как напускная бодрость Гун Чэня испарилась. Тело обмякло, и он покачнулся, заваливаясь в сторону — разумеется, прямо на Сюй Цыаня. Зачем падать на пыльную землю, если рядом есть надёжная опора?

Оказавшись в чужих объятиях, Сюй Цыань мгновенно нахмурился. Гун Чэнь же с самым невинным видом проигнорировал его недовольство и перевёл взгляд на поверженную покойницу.

Она лежала на земле с переломанными конечностями, её грязные спутанные волосы разметались по дорожке. Но в широко раскрытых глазах всё ещё горел неистовый, чёрный огонь чистейшего торжества.

— Ха-ха-ха-ха! — зашлась она хриплым смехом. — Славный клан великих истребителей нечисти! Неужели теперь и ваши хвалёные праведники водят дружбу с Царством призраков? И это их хвалёное благородство! Их праведность! — Её лицо исказила жуткая гримаса. — Одного поля ягоды! Твари поганые!

«Сколько же в ней скопилось желчи и обиды.»

«В клане Дуань единственным, кого обвиняли в сговоре с Царством призраков, был я сам. Но ведь для всех я уже мёртв. Судя по её словам, в семье завелась ещё одна паршивая овца. Но кто? Это загадка. И как вывести правду? Тоже загадка.»

Но куда больше его сейчас занимало другое обстоятельство.

Пальцы Сюй Цыаня бесцеремонно коснулись его лодыжки.

Разряд тока прошил Гун Чэня от пятки до самой макушки. Колено подогнулось, и он без сил рухнул на землю.

Сюй Цыань, явно не ожидавший столь бурного сопротивления, на секунду замешкался, но затем решительно опустился на одно колено, перехватил его правую ногу и бесцеремонно задрал край его одеяния.

Покойница испустила глумливый смешок.

«Чего зубы скалишь, дура?!»

«Гун Чэнь отчаянно пытался удержать подол, сокрушаясь про себя: "И чего она ухмыляется? Всё совсем не так, как ей кажется!"»

Впрочем, если бы он сейчас принялся кричать и звать на помощь, это окончательно сделало бы его похожим на невинную деву, угодившую в лапы бесстыдного распутника из богатого сословия.

Раздался резкий треск рвущейся ткани.

Гун Чэнь повалился навзничь, накрыв лицо оторванным лоскутом. Жизнь окончательно потеряла всякий смысл.

Сюй Цыань, одержавший сокрушительную победу в этой нелепой борьбе, сохранял ледяное спокойствие. Он завернул разорванную штанину, обнажая голень.

На бледной коже чернел глубокий, сочащийся тёмной кровью укус. Чуть выше раны, устроившись в плоти, бешено вращалось багровое призрачное око.

Ещё во время падения из окна Гун Чэнь понял, что вторичный призрак успел сменить хозяина.

Теперь носителем этой мерзости стал он.

Лицо Сюй Цыаня потемнело от ярости.

— Сестрица!!! — завопил засевший в ноге паразит, заметив распростёртое тело девицы. Белок глаза налился багровой яростью. — Я выпью их досуха! Превращу в прах! Смерть вам! Смерть, смерть, смерть...

«Уймись ты уже. Из меня и так пить нечего. В лучшем случае получится сушёный мертвец, а не мумия.»

Гун Чэнь молча приподнялся, поправил изодранную штанину и тихо, горько вздохнул.

Неудачи преследовали его всю жизнь, но сегодня госпожа Судьба превзошла саму себя. Стоило выйти на улицу — наткнулся на Дуань Циня. Решил проветрить комнату — угодил в лапы к нечисти.

Теперь Сюй Цыань наверняка окончательно убедился, какую невыносимую обузу притащил с собой.

При жизни Гун Чэнь больше всего на свете боялся двух вещей: иглоукалывания и того, что станет для кого-то бременем.

Поэтому, когда ему приходилось обращаться к кому-то с просьбой, стоило собеседнику хоть слегка нахмурить брови, Гун Чэнь тут же шёл на попятную: «А, ладно, забудьте, ничего страшного».

Посторонние хвалили его за скромность и покладистый нрав. Но Сюй Цыаня это показное смирение всегда выводило из себя. А когда Гун Чэнь утаивал свои раны и боль — это злило его до скрежета зубного.

Поначалу Гун Чэню казалось, что за этой злостью скрывается пусть и суровая, но всё же забота старшего брата, которую тот в силу природной гордости не желал признавать.

Лишь много позже он осознал: Сюй Цыань искренне презирал его, считая жалким лицемером.

При жизни он и помыслить не мог, что Сюй Цыань питает к нему нежные чувства. И даже теперь, услышав признание собственными ушами, продолжал сомневаться: «Разве такое возможно?»

Дневная попытка прощупать почву ни к чему не привела — Сюй Цыань остался холоден и безучастен. Может быть, те слова, сказанные над гробом, были такой же злой шуткой, как и вся его мнимая кончина?

Одолеваемый этими невесёлыми мыслями, Гун Чэнь сидел на земле, опустив голову. Он не решался взглянуть на лицо шисюна.

В конце концов, паразит уже пустил корни. И сколько бы Сюй Цыань ни сердился, даже если отсечь ногу по самое колено, делу это не поможет. Впереди маячили лишь два пути.

Первый — позволить духу иссушить себя до костей.

Второй — договориться со злобной тварью, разузнать причину её гнева и помочь успокоиться с миром.

Тут перед глазами качнулись носки чужих сапог — Сюй Цыань молча развернулся к нему спиной.

Гун Чэнь затаил дыхание, его ладони невольно сжались.

«На самом деле второй путь совсем не сложный. Сюй Цыань... я правда не буду для тебя обузой.»

В ночной тишине раздался едва различимый, тяжёлый вздох.

— Чего ждёшь? Залезай, — Сюй Цыань опустился перед ним, слегка повернув голову. В его тёмных глазах отразился растерянный силуэт Гун Чэня. — Или мне понести тебя на руках?

Гун Чэнь опешил.

Уже в следующее мгновение, стараясь не тревожить укушенную голень, он неловко вскарабкался на широкую спину шисюна.

... Как же сладко от него пахнет.

Ткнувшись носом в изгиб чужой шеи, Гун Чэнь испуганно отпрянул. Он напряжённо выпрямил спину и неуверенно положил ладони на плечи Сюй Цыаня.

«Так сойдёт?»

Помедлив, он облизал пересохшие губы и осторожно сомкнул руки на шее мужчины, прижимаясь ближе.

«Пусть будет так.»

Сюй Цыань легко поднялся вместе со своей ношей. Сделав пару шагов, он остановился возле поверженного призрака и опустил на неё тяжёлый взгляд.

В его глазах цвета бледной лаванды застыл такой леденящий холод, что ухмылка Ин Вань мгновенно сползла с лица, а злоба в чёрных зрачках обратилась в ужас.

— Ши...

Память мёртвых полна лакун. Ин Вань почти ничего не помнила о своём земном пути, но этот фиолетовый взор врезался в её посмертное сознание навечно.

Её иссохшие губы задрожали, пытаясь выдавить едва различимое слово:

— Ши... шисюн?

Сюй Цыань даже бровью не повёл, зато Гун Чэнь на его спине ощутимо вздрогнул. Шисюн?

И хотя момент был совершенно неподходящий, в его голове мгновенно вспыхнула ревнивая мысль:

«Вообще-то он мой шисюн!»

Произнеся это, девица окончательно затихла. Она лежала среди пыли и грязи, безучастно глядя в ночное небо.

— Ин Вань, — бросил Сюй Цыань, уже не глядя на неё. Он неторопливо направился обратно к постоялому двору. — За столько лет ты ничему не научилась.

«Ин Вань?!»

«Гун Чэня словно громом поразило. Это та самая старшая сестра, о которой он думал как о кроткой, искусной мастерице, некогда латавшей его одежды? Та добродетельная дева — и это жуткое чудовище? И Сюй Цыань узнал её даже в таком обличье?»

Гун Чэнь от волнения принялся бессознательно теревить пальцами чужие одежды. Его мысли путались, он украдкой косился на суровый профиль Сюй Цыаня.

«Неужели действительно узнал? Вот так просто взял и признал в этом кошмаре прежнюю ученицу?»

— Гун Цзиньюй, о чём ты там думаешь? — неожиданно прервал его размышления Сюй Цыань.

Гун Чэнь вздрогнул и затряс головой, судорожно сжимая пальцы от неловкости.

«Да ни о чём я не думаю! Ничего такого! И в мыслях не было!»

— Тогда... почему... ты... не отпускаешь?! — в голосе Сюй Цыаня зазвучала неподдельная угроза, смешанная со странным, непривычным напряжением.

Этот тон заставил Гун Чэня мгновенно очнуться. Спустя мгновение он в ужасе разжал руки, покоившиеся на груди шисюна.

Постойте...

Кажется, то, что он так усердно сжимал и перебирал, было вовсе не тканью плаща.

И уж точно не пальцами...

«Так за что же он ухватился?!»

Прежде чем Сюй Цыань бесцеремонно сбросил его на землю, в голове Гун Чэня зашумело. Из носа потекла тёплая струйка крови.

Распластавшись на спине и глядя в темнеющее небо, он дрожащей рукой коснулся лица.

«Ой-ёй... Кажется, дело дрянь.»